

УДК 94(571.6)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-3/28-38>

В.К. Азаревич*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАДЗОР ЗА ВЛАДИВОСТОКСКОЙ КРЕПОСТЬЮ И СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛИЕЙ (1905–1917 гг.)

В статье описана реализация политического надзора за Русской императорской армией и флотом в период 1905–1917 гг. на примере крупнейших оперативных соединений Приамурского военного округа – Владивостокской крепости и Сибирской флотилии. Их военнослужащие были основной движущей силой революционных выступлений 1905–1907 гг. в регионе, что определило необходимость контроля за ними. Автор рассматривает проблему становления политического надзора последовательно – от создания политического сыска в Приморье в 1906 г. до его упразднения в 1917 г., выделяя в данном процессе два этапа.

Ключевые слова: Владивостокская крепость, Сибирская флотилия, Дальний Восток, политический надзор, политический сыск

Political surveillance over the military personnel of Vladivostok Fortress and Siberian Flotilla, 1905–1917. VASILY K. AZAREVICH (Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History, Vladivostok, Russia)

The article describes the implementation of political surveillance over the Russian Imperial Army and Navy in the period from 1905 to 1917 using the case of the largest operational units in the Amur Military District – the Vladivostok Fortress and the Siberian Flotilla. Their military personnel were the main force of the revolutionary uprisings of 1905–1907 in the region, which made clear the need to control them. The author examines the issue of the making of political surveillance consistently – from the establishment of political investigation body in Primorye in 1906 to its abolition in 1917, highlighting two stages in this process.

Keywords: Vladivostok Fortress, Siberian Flotilla, Russian Far East, political surveillance, political investigation

Русско-японская война и Первая русская революция превратили армию в «вооруженный народ», чутко откликавшийся на изменения в жизни страны. Политизация армии сделала важной для государства задачу установления политического надзора за военными. Этот про-

цесс прошел в своем развитии несколько этапов, каждый из которых имел свои особенности, а их смена была обусловлена событиями внутри страны и в мире. Рассмотреть этот процесс можно на примере установления жандармского политического надзора за гарнизоном

* АЗАРЕВИЧ Василий Кириллович, научный сотрудник Отдела исследований Государственного объединенного музея-заповедника истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева, г. Владивосток, Россия, v.k.azarevich@gmail.com

© Азаревич В.К., 2024

Владивостокской крепости и матросами Сибирской флотилии в 1907–1917 гг. Во Владивостоке именно армия и флот сыграли основную роль в революционных событиях 1905–1907 гг. К тому же Владивосток сам по себе был крупной крепостью и главным военно-морским портом в регионе, что должно было по-особому ставить вопрос о контроле настроений войск. Численность гарнизона Владивостокской крепости в первой половине 1910-х гг. достигла 60 000 человек, распределенных по 16 фортам, десяткам батарей, опорных пунктов и иных укреплений. В состав Сибирской флотилии входило 2 крейсера, минная бригада из 9 эсминцев и 11 миноносцев, дивизион из 8 подводных лодок, отряд заградителей из 1 канонерской лодки и 3 минных заградителей, а также 12 транспортов и вспомогательных судов и Сибирский флотский экипаж на 1 200 человек (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 319, 350–375).

На основе документов Владивостокского охранного отделения и Владивостокской крепостной жандармской команды, хранящихся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока, и документов Департамента полиции МВД и Отдельного корпуса жандармов Российской империи, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, можно последовательно описать историю жандармского политического надзора за гарнизоном Владивостокской крепости и матросами Сибирской флотилии. Данные материалы позволяют выявить причины его установления и факторы, влиявшие на него. Выделение в данном процессе отдельных периодов для их последующего сопоставления друг с другом позволяет получить представление о качественных изменениях, произошедших с политическим сыском в военной среде, и их причинах. Автор стремился сравнивать политический надзор за армией и флотом на Дальнем Востоке и в других регионах России, чтобы рассмотреть данное явление в общеимперском контексте.

История надзора за крепостным гарнизоном и матросами флотилии отчетливо делится на два крупных этапа, отличных друг от друга. Для первого этапа (1905–1911 гг.) была характерна убежденность офицеров политического сыска в том, что корень революционного брожения в армии и на флоте следует искать среди гражданских жителей Владивостока. Военные

воспринимались не как субъект, а как объект противоправительственной агитации. Казалось, что уничтожение источников агитации приведет к гибели подпольного движения в армии. Как писал о событиях 1905 г. начальник штаба Владивостокской крепости А.П. Будберг, революционная агитация «всегда полагается в отношении политически инертных и темных масс, базировалась главным образом на вопросах чисто шкурного характера, на довольствии, одежде и денежных окладах» [1, с. 363]. Сыск сосредоточился на борьбе с революционерами и агитаторами, которые оказывались в рядах войск. Так, в 1907 г. благодаря агенту охраны была раскрыта военная организация РСДРП во главе с Григорием Шамизоном, повешенным в итоге за его деятельность [5, с. 107].

Второй этап охватил 1911–1917 гг. В период с 1908 по 1911 гг. в Иране, Китае, Португалии, Турции произошли революции, в которых ведущую роль сыграли военные. Вдохновившись этим опытом, эсеры и социал-демократы усилили работу в армии и на флоте, что не ушло от внимания политического сыска, также усилившего свою работу в армейской среде. Начальник Владивостокского охранного отделения в 1911–1913 гг. К.А. Нагродский создал с нуля разветвленную агентуру, которая охватывала части крепостного гарнизона и флотилии. От борьбы с единичными активистами охранка перешла к освещению настроений в армейской среде, обращая внимание не только на антиправительственные настроения и литературу, но и на отношение солдат и матросов к своим командирам и условиям службы, что превратило работу охраны в полноценный политический надзор.

Сравнение деятельности Владивостокского охранного отделения в военной среде с деятельностью других органов политического сыска показывает, что она не была уникальна. В 1913 г. на Балтике среди военных действовало 58 секретных сотрудников, которые представляли собой 15% от всех военных агентур политического сыска России [13, с. 15]. Из них 33 сотрудника находились при Кронштадтском жандармском управлении, 11 – при Эстляндском, 9 – при Финляндском, 5 – при Курляндском. В большинстве случаев агентура провинциальных жандармских органов среди военных не превышала 4–5 сотрудников на управление [13, с. 14]. На этом фоне Владивостокское охранное отделение, на которое в 1913 г. работало

13 человек (или 3% от всех военных агентур), выглядит одним из ведущих органов сыска в армейской среде. Всего же в 1911–1913 гг. на владивостокскую охранку среди военных и матросов работали агенты «11», «15», «Абрамов», «Акулина», «Александров», «Борисов», «Головин», «Дмитриев», «Евдокимов», «Зыбин», «Каменев», «Находка», «Нестеров», «Прощальный», «Тарасов», «Сергушин», «Федотов» и «Чернов».

В 1912–1913 гг. у Владивостокской крепостной жандармской команды было 3 вспомогательных агента в гарнизоне крепости: «Банковский», «Домовладелец», «Разносчик» (Государственный архив Российской Федерации, далее – ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1ч. 119 л. Д (1911 г.). Л. 4–5). У Николаевской крепостной жандармской команды был 1 вспомогательный агент в самой крепости (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1ч. 119 л. Д (1911 г.). Л. 8). В отношении ведения агентуры эти команды также подчинялись Владивостокскому охранному отделению. Совокупно на две крепости и одну флотилию приходилось более 20 агентов. Для сравнения, Кронштадтское жандармское управление вело агентурную работу в крепости Кронштадт и на большей части Балтийского флота. В зону ответственности Эстляндского жандармского управления входили Морская крепость императора Петра Великого и одноименный военно-морской порт в Ревеле. Финляндскому жандармскому управлению были подведомственными базы флота в Гельсингфорсе и Свеаборге, а также Выборгская крепость и Свеаборгская, преобразованная позже в флангово-шхерную позицию Морской крепости императора Петра Великого. Курляндскому жандармскому управлению была подчинена Жандармская команда в порту императора Александра III. Это сравнение показывает, что военные агентуры Владивостокского охранного отделения не только соответствовали общеимперскому стандарту. Количество агентов превышало среднее для губернских жандармских управлений по стране в 4–5 раз и было на одном уровне с такими «передовыми» в области военного сыска жандармскими управлениями, как Кронштадтское или Финляндское, под надзором которых были более насыщенные революционными агитаторами и организациями Балтийский флот и гарнизоны Выборгской, Кронштадтской и Свеаборгской крепостей. Само по себе это показывает, что усиленная

агентурно-сыскная работа охранных отделений и жандармских управлений в армии и на флоте в первой половине 1910-х гг. в целом по стране была нормой.

Первым органом политического контроля на интересующих нас объектах стала созданная для военно-полицейской службы в 1896 г. Владивостокская крепостная жандармская команда [5, с. 61]. Осенью 1905 г. ей поручили политический сыск, т.е. ведение тайной агентурной работы для борьбы с революционной угрозой (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2872. Л. 6). До того момента жандармы во Владивостоке не вели агентурного наблюдения и опирались на сведения, получаемые от МВД. Превращение крепостной жандармской команды в орган сыска не предотвратило солдатский бунт в январе 1906 г. Назначенного после этого на должность начальника крепостной жандармской команды ротмистра В.К. Петрова комендант крепости считал не готовым к службе в сложных условиях Владивостока (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 11521. Л. 32). Сам Петров указывал, что фактически он выполняет обязанности не только начальника крепостной жандармской команды, но и адъютанта Жандармского полицейского управления по Уссурийской железной дороге и начальника Владивостокского отделения того же управления. При этом он дважды в ноябре 1906 г. просил о назначении к нему офицера для выполнения дознания по государственным преступлениям (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 11521. Л. 4950). Из-за дефицита кадров эти заявления остались неудовлетворенными.

Тем не менее он сумел наладить агентурную работу силами шести секретных сотрудников, которые за месяц деятельности выявили несколько социал-демократических организаций, «деятельность коих направлена главным образом к распространению пропаганды в войсках, местных сил не замечается и все они питаются литературой, провозимой из Японии, Читы, Иркутска, Омска и Благовещенска, размножаемой на гектографах и распространяемой через дома терпимости как русские, так и японские» (РГИА ДВ. Ф. 563. Оп. 1. Д. 1. Л. 42). Исходя из этого В.К. Петров пришел к выводу, что главными агитаторами являются городские жители, в то время как крепостной гарнизон является объектом пропаганды. То же он писал и в доносениях о революционной пропаганде среди матросов флота (РГИА ДВ. Ф. 563. Оп. 1. Д. 1. Л. 44).

В январе 1907 г. было создано Владивостокское охранное отделение, которое должно было заниматься сугубо политическим сыском. Оно было создано на основе крепостной жандармской команды, начальник которой был одновременно начальником охраны [12, с. 103]. В царской России охранные отделения были главным звеном политического сыска, в чьи обязанности входило тайное агентурное наблюдение [10, с. 131]. В организационном отношении владивостокская охранка подчинялась Сибирскому районному охранному отделению в Иркутске, руководителем которого был начальник Иркутского губернского жандармского управления (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 825ч. 27 (1906 г.). Л. 26). Накануне восстания 17 октября 1907 г. охранка под руководством А.Д. Заварицкого вышла на след военной организации эсеров, установила ее руководство и арестовала агитаторов, среди которых нашлись даже младшие офицеры крепостного гарнизона [2, с. 129]. Охранке удалось раскрыть численность, планы и явки военной организации эсеров, как и планируемую ими дату бунта – 21 октября.

Действия А.Д. Заварицкого не предотвратили, а форсировали восстание, в котором матросы флота сыграли ведущую роль. Филеры отделения для уничтожения революционного подполья использовали методы прямой провокации, включая фальсификацию улик. Это привело к тому, что сам жандармский подполковник Заварицкий был приговорен к трем годам арестантских рот по обвинению в подделке агентурных сведений и неприятии мер по предотвращению преступлений [2, с. 143]. Преемник Заварицкого коллежский асессор Н.И. Губский вскоре был уволен [6, с. 35]. Во главе Владивостокского охранного отделения в феврале 1908 г. встал ротмистр Илларион Евстафьевич Хуциев, который четвертый раз за год с небольшим заново выстраивал работу вверенного ему отделения, вербовал новых агентов и принимал на службу новых филеров [2, с. 142].

В 1906–1907 гг. произошла замена разложившихся войск гарнизона новыми лояльными полками из молодых солдат, что лишило революционеров социальной базы для своей деятельности. Методы же работы владивостокской охраны по предотвращению революционных бунтов среди военных не претерпели значительных изменений. Считалось, что главным источником революционной угрозы среди военных являются сторонние агитаторы, получающие

антиправительственную литературу откуда-то извне. Основной упор был сделан на борьбу с Восточным автономным комитетом партии эсеров в Нагасаки, который возглавлял бывший народоволец, бежавший из Владивостока, Борис Оржих. Одним из крупнейших успехов охраны в борьбе с эсерами в Нагасаки был разгром типографии революционеров, проведенный агентами Владивостокского охранного отделения из числа сотрудников японской полиции (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 2. Д. 1. Л. 489–490). Деятельность охраны привела к тому, что революционеры перенесли свой комитет в Шанхай, где жандармы развернули новую агентуру для наблюдения за ним (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 2. Д. 1. Л. 353). Во Владивостоке эсеровская военная организация так и не возникла, завязнув на этапе кружковщины. Параллельно друг другу существовали два кружка – офицерский, в котором состояли капитан Попов, поручики Алексеев и Магницкий, и столь же малочисленный солдатский (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 9ч. 86 л. А (1908 г.). Л. 98).

Поворотной точкой в реализации надзора за военными стало дело «Военного союза Владивостокской крепости». Этому способствовал ряд событий в мире: в 1908–1909 гг. произошла революция в Османской империи, в 1910 г. – в Португалии, в 1911 г. – в Китае. Во всех трех случаях роль движущей силы революции сыграли армия и флот, на штыках которых к власти приходили национал-либералы. Огромная роль военно-морского флота в свержении португальского короля Мануэла II привела к сохранению агентуры среди моряков [14, с. 58]. Под воздействием этого опыта революционные партии в России сделали ставку не на рабоче-крестьянское восстание, а на военный переворот.

В 1908 г. Департамент полиции МВД сообщил органам провинциального сыска, что ЦК РСДРП поменял тактику работы с военными. ЦК решил создать Военное бюро, целью которого было руководство военными организациями в провинции, сбор сведений о дислокации и численности армии, настроениях и революционных вспышках в войсках, наличии партийных работников среди солдат и установление возможности для ведения агитации (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 7. Л. 1). В губерниях члены РСДРП должны были формировать автономные военные комитеты. Они должны были склонить войска на сторону революции «приобретением связей в войсках и образованием кружков, из

коих формируются сугубо солдатские организации, из которых создаются ротные комитеты, которые затем формируют полковые» (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 7. Л. 9). Позже стало известно, что военным организациям РСДРП предписано активно вербовать офицерскую прислугу для сбора информации о настроениях офицерства (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 7. Л. 11). Это показывало стремление социал-демократов к агитации в войсках. В январе 1909 г. владивостокская охранка получила сообщение, что после младотурецкого переворота свое отношение к работе в армии поменяли и эсеры: они решили, что данная работа имеет наивысший приоритет относительно агитации среди крестьян и рабочих, что нашло выражение в наделении военных организаций полной автономией от местных комитетов (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 7. Л. 2).

В 1910 г. директор Департамента полиции Н.П. Зуев циркулярным письмом предписал усилить агентурную работу жандармских управлений и охранных отделений в войсках, мотивируя это усилением работы революционных партий в армии и на флоте [11, с. 213–214]. В том же году по инициативе эсеров в Цюрихе состоялась межпартийная конференция. По ее итогам было принято решение об объединении работы всех социалистических партий в армейской среде [14, с. 661]. Весной 1911 г. начальник Сибирского районного охранного отделения М.Н. Познанский сообщил во Владивосток, что «революционная организация будто бы подготовлена ко всеобщей забастовке». Ее членами он называл военных, врачей и рабочих. В состав этого заговора вошли «все группы и партийные оттенки, начиная с самых крайних левых и до тех прогрессивных элементов, кои пришли к заключению, что для “спасения отечества” возможен только один путь – “полное повторение всех деталей 1905 года”» (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 23. Л. 31).

В апреле 1911 г. начальник Санкт-Петербургского охранного отделения М.Ф. фон Котген сообщил во Владивосток, что в крепостном гарнизоне действует революционная организация под названием «Военный союз Владивостокской крепости». Казалось, что близится восстание крепостного гарнизона, подготовленное тайной организацией. Расследование деятельности «Военного союза» показало, что никакого заговора не существовало, а сама организация представляла собой группу из четырех человек,

способных лишь к нерегулярному выпуску менее чем пятнадцати прокламаций за раз. Один участник организации, рядовой 6-го Сибирского саперного батальона Вильгельм Раммо, был солдатом, в то время как остальные его товарищи были представителями городской интеллигенции (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 251).

Это дело радикально изменило работу Владивостокского охранного отделения. Был уволен начальник охраны ротмистр И.Е. Хуциев. Проведенная в октябре 1911 г. вице-директором Департамента полиции С.Е. Виссарионовым проверка политического сыска на Дальнем Востоке показала, что за полгода расследования деятельности «Военного союза» Хуциев циркуляров Департамента полиции об агентурном освещении войск не выполнил. На его место был назначен ротмистр Константин Адольфович Нагродский, а помощником – ротмистр Евгений Константинович Лалевич. Им обоим Виссарионов поставил задачу создание агентуры среди военных и скорейшее раскрытие «Военного союза» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 241. Д. 292ч. 64. Л. 41об.).

Для поиска заговорщиков среди солдат 33-го Сибирского стрелкового полка и 6-го Сибирского саперного батальона были направлены агенты «15» и «Сергушин» (РГИА ДВ. Ф. 526. Оп. 1. Д. 21. Л. 64). Их работа дала первые результаты и уже в начале декабря того же года Раммо был арестован за дисциплинарный проступок, из-за чего связь организации с ЦК партии эсеров оборвалась (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 241. Д. 292ч. 64. Л. 46об.). Этот арест нарушил деятельность организации, которая еще раз проявила себя в мае 1912 г. распространением самодельных листовок, после чего она окончательно прекратила свое существование.

Летом 1911 г. Н.П. Зуев циркулярным письмом указал провинциальным жандармам на необходимость заведения вспомогательной агентуры в войсках среди хозяев солдатских лавок, мастерских и иных гражданских лиц, регулярно находящихся среди военных [11, с. 220]. Соответственно этому указанию К.А. Нагродский завербовал двух агентов на Русском острове – «Акулину» и «Находку», которые вели слежку не только за военными, но и за рабочими на крепостном строительстве. Летом 1912 г. агенты сообщали, что на острове Русском среди военных и рабочих нет каких-либо революционных настроений и организаций (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 20ч. 64 л. Б. Л. 172).

В феврале 1912 г. очередным циркулярным письмом Департамент полиции указывал на то, что в войсках участились случаи покушения на командиров и начальствующих лиц со стороны нижних чинов «в виде мести за строгость» [10, с. 239]. Руководство полиции признало, что недовольство солдат своими командирами может использоваться для революционной агитации, поэтому агентура Владивостокского охранного отделения стала обращать внимание именно на случаи недовольства солдат командирами по бытовым и дисциплинарным причинам. Так, в январе 1913 г. агент «Александров» сообщил, что в 9-й роте 35-го Сибирского стрелкового полка нижние чины возмущены поступком командира роты капитана Трифонова, который с ноября 1912 г. не выдавал нижним чинам хлебные деньги, задолжав им до 200 руб. При этом революционной работы в полку не было (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 291ч. 64 л. Б. Л. 4). После донесения Нагордского коменданту крепости хлебные деньги нижним чинам были уплачены, что устранило конфликт. 30 января агент «Абрамов» сообщил, что 1 января в Гнилом углу был убит унтер-офицер 3-й Воздухоплавательной роты, безусловно, нижними чинами на почве мести за чрезмерно строгое отношение (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 291ч. 64 л. Б. Л. 5). Также «Александров» сообщил, что во время гимнастических занятий в 3-м Владивостокском крепостном артиллерийском полку один из солдат не смог прыгнуть через кобылу. Тогда его уложили на кобылу животом вниз и приказали солдатам прыгать через него опираясь на поясицу бойца. Это привело его к гибели от воспаления брюшины, чем были возмущены солдаты полка (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 291ч. 64 л. Б. Л. 9). Все эти случаи освещались руководством охраны и сообщались вышестоящему командованию, становясь поводом для разбирательств. Так охранка, оставаясь в тени, помогала командованию вовремя ликвидировать почву для возможных конфликтов.

Также внимание агентуры привлекали слухи. В начале 1913 г. среди стрелковых полков на Русском острове, 6-го Саперного батальона и в Воздухоплавательном батальоне появились слухи о том, что в честь 300-летия дома Романовых будет произведено досрочное увольнение солдат в запас на полгода раньше положенного срока. Жандармы обратили внимание командиров на эти слухи для проведения разъяснительных бесед с солдатами. Весной внимание

охранки привлек бывший рядовой 21-го Сибирского стрелкового полка Крестьянинов. Он «распространял революционные слухи между нижними чинами и уверял, что года через три в России будет так же хорошо, как и в Китае, так как не будет Царя» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 291ч. 64. Л. 1). Крестьянинов был связан с партией эсеров, и здесь обращает на себя внимание то, что в своей агитации эсеры использовали прецеденты революций не только в Португалии и Турции, но и в соседнем Китае.

Велась слежка и за связями солдат с внешним миром. Так, в апреле 1913 г. в поле зрения охраны попал писарь 36-го Сибирского стрелкового полка Слободчиков, который неоднократно бывал у книготорговца и эсера Аюпова во время увольнений в город и интересовался революционным движением в армии. По данным агентуры, он имел связи с эсерами еще в родном Минусинске (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 9ч. 64 л. Б. Л. 35). Вскоре выяснилось, что после увольнения из армии Слободчиков планировал остаться работать на строительстве крепостных объектов и призывал к тому же солдат гарнизона, которых он считал сознательными. Его целью была революционная агитация в войсках и среди крепостных рабочих, чтобы спровоцировать их на бунт. Также выяснились его связи с инженером военного порта Николаем Крыловым, считавшимся эсером (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 9ч. 64 л. Б. Л. 72).

Создание постоянной агентуры среди крепостного гарнизона позволило повысить эффективность сыска. Жандармам удалось пресечь любую революционную деятельность в войсках в зародыше. Как показывает случай Слободчикова, о попытках ведения революционной работы в войсках они узнавали еще в тот момент, когда она была лишь идеей. К тому же собираемые агентами сведения значительно помогли в улучшении бытовых условий и повышении уровня дисциплины войск гарнизона, что также способствовало предотвращению революционных выступлений в войсках.

Осенью 1912 г. Особый отдел Департамента полиции предписал установить агентурное наблюдение за матросами Сибирской флотилии (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 316). После этого К.А. Нагордский запросил полный список всех кораблей и судов флотилии, а позже запросил у командования флотилии и флотского экипажа списки всех переведенных на Дальний Восток матросов Черноморского флота (РГИА

ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 329). В дальнейшем он проверял матросов каждого из кораблей Сибирской флотилии по отдельности. Например, в декабре 1912 г. был запрошен полный список нижних чинов крейсера «Жемчуг», после чего Нагородский поделил их по месту призыва и направил в жандармское управление каждой губернии, откуда были призваны матросы, запросы об их политической благонадежности (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 375).

Основным методом политического сыска в Сибирской флотилии был не методичный перебор матросов, а традиционная агентурная работа. Основным агентом по освещению политических настроений матросов был некто «Прощальный» (ГАРФ. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 605. Л. 98). Вспомогательным агентом был «Каменев», а в военном порту работал «Южный», бывший сотрудник сыскной полиции, трудившийся паспортистом (ГАРФ. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 605. Л. 25). Помимо них также одновременно действовали от 2 до 5 вспомогательных агентов. В донесениях они обращали внимание в первую очередь на случаи нарушения дисциплины и самоуправство. Например, морской врач Алексей Баранов попал под надзор охраны потому, что регулярно выписывал матросам больничные, чтобы они могли избежать гауптвахты, и вел себя с ними максимально либерально. От претензий со стороны командиров его спасало то, что командующий Сибирской флотилией вице-адмирал Стеценко был женат на сестре его жены (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 288-В.Ф. Л. 5). Впоследствии К.А. Нагородскому через Сибирское районное охранное отделение в Иркутске удалось добиться возбуждения переписки о переводе Баранова из Владивостока. В итоге вопрос решился письмом товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского на имя морского министра И.К. Григоровича, после которого Баранов был переведен из Владивостока на запад России (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 288-В.Ф. Л. 22). Так ротмистр Нагородский добился устранения из Сибирской флотилии человека, чьи действия негативно влияли на матросскую дисциплину.

В январе 1913 г. агент «Прощальный» отмечал, что общее настроение нижних чинов Сибирской флотилии и Сибирского флотского экипажа было спокойным. Революционная работа среди матросов не велась, какой-либо связи с партийными центрами у них не было. Даже среди подводников и фельдшеро́в – тра-

диционно самых склонных к революционной деятельности матросов – наблюдалась тишина и спокойствие (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 291ч. 64 л. Б. Л. 5). В этих условиях особое внимание обращалось на бытовые условия как источник возможного раздражения. В марте 1913 г. агент «Дмитриев» сообщил, что во время заграничного плавания флагмана флотилии крейсера «Аскольд» было десять случаев побега матросов. Бежали молодые, призванные в 1912 г., из-за тяжелой службы в машинном отделении и скверной пищи. Он также сообщил о попытке убийства командира крейсера капитана 1-го ранга Л.К. Теше. Этот поступок агент объяснял тем, что команда мало дисциплинирована и сильно настроена против Теше и его офицеров из-за их грубого поведения (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 291ч. 64 л. Б. Л. 12). При этом командующий флотилией Стеценко считал Теше командиром строгим, но справедливым, однако сообщения владивостокской охраны принимались им во внимание для предотвращения кризисных ситуаций среди матросов.

Обращалось внимание на взаимодействие матросов с гражданскими лицами, иностранцами и бывшими сослуживцами. В феврале 1913 г. «Прощальный» сообщил о попытках китайского консула вербовать матросов Сибирской флотилии для службы в китайском флоте за 200 руб. в месяц. Такие предложения делались во Владивостоке матросам транспорта «Уссури» и матросам канонерской лодки «Маньчжур» во время ее захода в Ханькоу (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 20ч. 64 л. Б. Л. 22). Тогда же агент «Нестеров» сообщил, что бывший матрос Мадюновский, уволившийся со службы в 1912 г., эсер и имеет связь с присланными во Владивосток из Севастополя матросами. Он призывал матросов к бунту в случае беспорядков по поводу юбилея дома Романовых или войны с Китаем (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 9ч. 64 л. Б. Л. 11). Таким образом, созданная в 1912–1913 гг. в Сибирской флотилии и Сибирском флотском экипаже агентурная сеть также помогала в выявлении революционной работы, ее предотвращении, а собираемые сведения о дисциплине и быте среди матросов помогали предотвращать вспышки недовольства среди них.

Успехи агентуры Владивостокского охранного отделения не спасли ее от глобальных реформ. В марте 1913 г. В.Ф. Джунковский своим циркуляром приказал ликвидировать все секретные агентуры среди нижних чинов, апел-

лируя к тому, что применение методов тайного сыска совращает войска и пагубно сказывается на их дисциплине [11, с. 274]. На первый взгляд, это решение не оказало фатального воздействия на качество работы владивостокской охранки в армейской и флотской среде. До начала Первой мировой войны начальник охранного отделения исправно получал сообщения от своих агентов среди военных. Объяснить это можно тем, что циркуляр Джунковского категорически запрещал лишь вербовку нижних чинов армии и флота, оставляя при этом лазейку в виде привлечения в качестве секретных сотрудников гражданских лиц, находящихся в постоянном контакте с нижними чинами – буфетчиков, лавочников, кузнецов, сапожников, хозяев квасных лавок, которые жили и вели свою деятельность на территории военных городков. Однако полнота получаемых сведений говорит о том, что на охранку продолжали работать агенты из нижних чинов войск, которых жандармы не спешили увольнять, вопреки указам начальства.

При этом стоит заметить, что Владивостокское охранное отделение оказалось одним из пяти (наравне с Варшавским, Московским, Санкт-Петербургским и Туркестанским), избежавших ликвидации в ходе реформ Джунковского. Владивостокская охранка была сохранена потому, что в Приамурском генерал-губернаторстве (как и в Туркестанском) не было жандармского управления, которому можно было бы передать ее функции и сотрудников. Пограничное положение региона, наличие крупных военных сил и близость к эмигрантским революционным центрам заставили руководство МВД сохранить охранные отделения в Приамурье и Туркестане на случай возможного обострения революционной ситуации в стране [14, с. 156].

Первая мировая война актуализировала необходимость надзора за армией, несмотря на все запреты. В августе 1915 г. был завербован агент «Идейный» для освещения настроений крепостного гарнизона (ГАРФ. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 605. Л. 72). Ему и вспомогательной агентуре удалось оперативно наладить освещение настроений в частях крепостного гарнизона, среди которых особое внимание привлекала Владивостокская крепостная военно-телеграфная рота. Про нее новый начальник охранки ротмистр А.А. Гинсбург писал, что в случае революции в стране она станет «главным бродилом мятежа» во Владивостоке, т.к. укомплектована интелли-

гентными призывниками с хорошим образованием и «прогрессивными взглядами» (ГАРФ. Ф. 102. 245. Д. 167ч. 64. Л. 35). В этой роте наиболее активно распространялось недовольство ее командиром генерал-майором Антонином фон Агте. Агенты отметили: «...Поводом к этому послужили постоянные опросы генералом молодых солдат: “когда поедешь на войну, кого будешь бить” – “немцев” – “дурак, не немцев, а германцев”, такие реплики генерала производят впечатление, будто бы фон Агте защищает немцев» (ГАРФ. Ф. 102. 245. Д. 167ч. 64. Л. 11).

В августе 1914 г. среди прибывающих в город по мобилизации матросов Сибирской флотилии распространялось недовольство качеством пищи, в казармах обсуждалась возможность открытого протеста (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 244. Д. 291ч. 64 л. Б. Л. 7). На протяжении всего 1914 г. «Прощальный» передавал информацию о внутренней жизни матросов флотилии, а в 1915 г. был мобилизован в Сибирскую флотилию, что улучшило качество его работы. В июне 1916 г. агенты усилили наблюдение за матросами Сибирской флотилии. Они сообщали, что среди матросов-черноморцев, прибывших во Владивосток для укомплектования переданных из Японии крейсеров «Варяг», «Пересвет» и «Чесма», распространяется революционная литература. Матросы «Чесмы» оценивались как наименее дисциплинированные. Отмечалось распространение баптизма среди матросов Сибирского флотского экипажа и недовольство матросов своими офицерами, дезертирство с крейсеров и попытка экипажа «Чесмы» устроить бунт (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167ч. 64. Л. 41об.). Позднее из-за буйств матросам «Чесмы» запретили выходы в город, а руководство охранки отмечало, что экипаж крейсера разлагает дисциплину и порядок матросов, солдат и мирных жителей города (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167ч. 64. Л. 43об.).

Агентурная сеть Владивостокского охранного отделения среди крепостного гарнизона и матросов флотилии бдительно наблюдала за их настроениями и связями, своевременно пресекала агитацию в казармах. В конце 1916 г. начальник охранки подполковник М.М. Богачевич писал, что среди гарнизона Владивостокской крепости и матросов Сибирской флотилии не ведется какой-либо революционной работы (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 26. Л. 1). В 1940 г. ветеран революционного движения и советский историк В.П. Голионко в своей ра-

боте, опираясь на дореволюционные документы, писал, что деятельность охраны в 1911–1912 гг. привела к уничтожению на Дальнем Востоке революционного движения в организованном виде. Вместо этого отдельные активисты пытались вести пропаганду, но их всегда арестовывали жандармы [4, с. 80]. В своих мемуарах бывший премьер-министр ДВР и участник революционного подполья во Владивостоке П.М. Никифоров также вспоминал не о революционных организациях, а о единичных активистах среди офицеров (Э.К. Кистер, В.В. Сакович) и рядовых (А. Алютин, А. Воронин) [9, с. 4]. Современные исследования подтверждают, что работа Владивостокского охранного отделения сдерживала рост революционных настроений в регионе [12, с. 74]. Гарнизон Владивостокской крепости и матросы Сибирской флотилии дисциплинированно подчинились приказам коменданта крепости Д.Д. Крылова о признании власти Временного правительства (Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13149. Оп. 1. Д. 130. Л. 13–14). Так же спокойно городская дума сформировала Комитет общественной безопасности, а военный губернатор Приморья утвердил его состав [3, с. 12]. Революция на Дальнем Востоке совершилась не в результате организованной партийно-революционной деятельности, а в результате сознательно-го принятия ее местными властями.

Реформы Александра II превратили «кастовую» рекрутскую армию в «вооруженный народ». По мнению военного теоретика Н.А. Епанчина, это привело к тому, что связь между армией и народом укрепилась, стала в разы прочнее, гражданский мир и тыл стали оказывать огромное воздействие на военных [8, с. 594]. Эта связь остро проявилась в Первую русскую революцию, показав, что армия перестала быть опорой режима и активно участвует в революционных выступлениях. Последующие события показали, что изменение статуса армии – это новая социальная реальность.

После войны с Японией и революции все чаще раздавались требования глубокой военной реформы, затрагивающей военную доктрину, обучение солдат, организацию и вооружение войск. В армии возникли политизированные группы офицеров, стремившиеся к переменам [7, с. 313]. Вопросы устройства и реформы армии стали предметом ожесточенных дискуссий между парламентскими партиями, министер-

ствами, придворными кликами, отдельными ветвями дома Романовых. Армия стала активно обсуждаться в политическом контексте, и ее социальная значимость становилась с каждым днем все очевиднее. Политизация армии, как и ее недавнее революционное прошлое, должны были актуализировать вопрос о политическом надзоре за нею [7, с. 316]. Иллюстрацией этого на региональном уровне может служить становление политического сыска среди военных во Владивостоке. Он возник как реакция на революционное движение 1905–1907 гг., восстания гарнизона и экипажей флотилии, что выразилось в наделении розыскными функциями крепостной жандармской команды. Ее малочисленность, реформы в системе МВД, рост революционного движения заставили перейти к созданию более профессионализированного органа политического контроля. Им стало Владивостокское охранное отделение, что соответствовало имперской политике: в 1903 г. в России было не более 15 охранных отделений, а к концу 1907 г. – уже 27 [10, с. 135]. Необходимость вести наблюдение за замкнутым миром крепостного гарнизона и динамично растущим гражданским населением Владивостока одновременно, близость города к заграничным центрам революционной эмиграции и оторванность от столицы очень осложняли работу охранных структур: в 1907 г. четырежды сменилось руководство Владивостокского охранного отделения, что не могло сказаться на его работе позитивно.

После военно-административного подавления революционного движения в конце 1907 г. удалось наладить работу политического сыска. Она заключалась в наблюдении за революционными активистами и группами и их постепенных арестах и ликвидациих. В 1908–1909 гг. произошел если не полный разгром, то серьезное ослабление революционного движения, вызвавшее ослабление деятельности охраны. В 1911–1917 гг. владивостокская охранка стремилась охватить своим надзором как можно больший круг вопросов, обращая внимание не только на открытые проявления революционной угрозы. Применительно к армии и флоту это выразилось не только в усилении агентурного наблюдения за ними, но и в том, что кроме политической агитации в поле зрения агентов охраны стали попадать вопросы солдатского быта, соблюдения дисциплины и взаимоотношений военнослужащих.

Политический надзор за Владивостокской крепостью и Сибирской флотилией продолжался даже после циркуляра товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского о ликвидации агентур среди военных. Руководство Владивостокского охранного отделения стремилось сохранить свой контроль за военными даже ценой возможного нарушения приказаний вышестоящего начальства, что можно считать свидетельством важности и актуальности данной работы на протяжении 1910-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будберг А.П. Сибирские воспоминания. Владивосток: Общество изучения Амурского края, 2017.
2. Бутырин Д.А. Подполковник А.Д. Заварицкий и Владивостокское восстание 1907 г. // Новый исторический вестник. 2018. № 1. С. 120–149.
3. Галлямова Л.И. 1917 год на Дальнем Востоке России: региональные особенности социально-политических трансформаций // Россия и АТР. 2017. № 3. С. 9–24.
4. Голионко В.П. Очерки революционного движения в Приморье, 1900–1916. Хабаровск: Дальневосточное государственное издательство, 1940.
5. Качкин А.Н. Становление и развитие органов безопасности Российской империи на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. н. Хабаровск, 2013.
6. Лавренова А.М. Гордость и предубеждение и «охранка»: политический сыск в современной российской историографии // История и архивы. 2019. № 1. С. 30–47.
7. Меннинг Б.У. Пуля и штык. Армия Российской империи. 1861–1914. М.: Модест Колеров, 2016.
8. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015.
9. Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). М.: Госполитиздат, 1963.
10. Перегудова З.И. Политический сыск в России (1880–1917). М.: РОССПЭН, 2013.
11. Политическая полиция Российской империи между реформами. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского: сборник документов. М.; СПб.: АИРО-XXI; Алетейя, 2021.

12. Соколенко А.В. Взаимодействие органов и ведомств по обеспечению государственной безопасности России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.: борьба с иностранной разведкой: дис. ... канд. ист. н. Хабаровск, 2017.

13. Хутарев-Гарнишевский В.В. Призраки измены. Русские спецслужбы на Балтике в воспоминаниях подполковника В.В. Владимирова, 1910–1917 гг.: сборник воспоминаний и документов. М.: Алгоритм, 2019.

14. Хутарев-Гарнишевский В.В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М.: Издательство Института Гайдара, 2020.

REFERENCES

1. Budberg, A.P., 2017. *Sibirskie vospominaniya* [Siberian memories]. Vladivostok: Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraya. (in Russ.)
2. Butyrin, D.A., 2018. *Podpolkovnik A.D. Zavaritskii i Vladivostokskoe vosstanie 1907 g.* [Lieutenant Colonel A.D. Zavaritsky and the Vladivostok Uprising of 1907], *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 55, pp. 120–149. (in Russ.)
3. Gallyamova, L.I., 2004. *Rabochee dvizhenie na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Labor movement in the Russian Far East in the second half of the XIXth – early XXth century]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)
4. Golionko, V.P., 1940. *Ocherki revolyutsionnogo dvizheniya v Primor'e, 1900–1916* [Sketches of the revolutionary movement in Primorye, 1900–1916]. Khabarovsk: Dal'nevostochnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. (in Russ.)
5. Kachkin, A.N., 2013. *Stanovlenie i razvitie organov bezopasnosti Rossiiskoi imperii na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv.* [The making of security agencies in the Far East of the Russian Empire in the late XIXth – early XXth century], *dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk*. Khabarovsk. (in Russ.)
6. Lavrenova, A.M., 2019. *Gordost' i predubezhdenie i «okhranka»: politicheskii syisk v sovremennoi rossiiskoi istoriografii* [Pride and prejudice and the Okhrana: political investigation in modern Russian historiography], *Istoriya i arkhivy*, no. 1, pp. 30–47. (in Russ.)
7. Menning, B.W., 2016. *Pulya i shtyk. Armiya Rossiiskoi imperii. 1861–1914* [Bayonets

before bullets. The Imperial Russian Army, 1861–1914]. Moskva: Modest Kolerov. (in Russ.)

8. Mironov, B.N., 2015. Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3-kh t. T. 2 [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 volumes. Vol. 2]. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin. (in Russ.)

9. Nikiforov, P.M., 1963. Zapiski prem'era DVR. Pobeda leninskoj politiki v bor'be s interentsiei na Dal'nem Vostoke (1917–1922 gg.) [Notes of the Prime Minister of the Far Eastern Republic. The victory of Leninist policy in the struggle against intervention in the Russian Far East, 1917–1922]. Moskva: Gospolitizdat. (in Russ.)

10. Peregudova, Z.I., 2013. Politicheskii syisk v Rossii (1880–1917) [Political investigation in Russia, 1880–1917]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

11. Politicheskaya politsiya Rossiiskoi imperii mezhdou reformami. Ot V.K. Pleve do V.F. Dzhunkovskogo: sbornik dokumentov [Political police of the Russian Empire between the reforms. From V.K. Pleve to V.F. Dzhunkovsky: a collection of documents]. Moskva; Sankt-Peterburg: AIRO-XXI; Aleteiya, 2021. (in Russ.)

12. Sokolenko, A.V., 2017. Vzaimodeistvie organov i vedomstv po obespecheniyu gosudarstvennoj bezopasnosti Rossii na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv.: bor'ba s inostrannoju razvedkoi [Interaction of bodies and agencies to ensure state security of Russia in the Far East in the late XIXth – early XXth century: the fight against foreign intelligence], dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk. Khabarovsk. (in Russ.)

13. Khutarev-Garnishevskii, V.V., 2019. Prizraki izmeny. Russkie spetssluzhby na Baltike v vospominaniyakh podpolkovnika V.V. Vladimirova, 1910–1917 gg.: sbornik vospominanii i dokumentov [Specters of treason. Russian secret service in the Baltic in the memoirs of Lieutenant Colonel V.V. Vladimirov, 1910–1917: memoirs and documents]. Moskva: Algoritm. (in Russ.)

14. Khutarev-Garnishevskii, V.V., 2020. Protivostoyanie. Spetssluzhby, armiya i vlast' nakanune padeniya Rossiiskoi imperii, 1913–1917 gg. [Confrontation. Special services, army and power on the eve of the fall of the Russian Empire, 1913–1917]. Moskva: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 18.06.2024;
рекомендована к печати 26.07.2024*

